

Шальнева Е.В.

Магистрант

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

Белгород, Россия

Цуканов О.В.

доцент кафедры гражданского права и процесса, кандидат юридических

наук, доцент

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

Россия, Белгород

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ ДИСТАНЦИОННОГО
ОФОРМЛЕНИЯ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ: РОССИЯ И
ГОСУДАРСТВА ЕС**

Аннотация. В статье рассматриваются модели дистанционного оформления наследственных прав в Российской Федерации и государствах Европейского союза с опорой на положения части третьей ГК РФ, Основ законодательства РФ о нотариате, Регламента (ЕС) № 910/2014 (eIDAS) и Регламента (ЕС) № 650/2012. Особое внимание уделяется соотношению традиционной очной формы наследственных волеизъявлений (принятие и отказ от наследства) с возможностью их электронного совершения, а также влиянию цифровизации на режим наследования цифровых активов. Обосновывается вывод о том, что для адаптации российских институтов к цифровой среде требуется развитие специальных норм о дистанционном совершении наследственных действий и наследовании цифровых активов при сохранении базовых гарантий защиты прав наследников.

Ключевые слова: наследственные права, принятие наследства, отказ от наследства, дистанционное оформление, электронная подпись, электронный документ, нотариат, цифровые активы, eIDAS, Регламент № 650/2012, цифровое наследство.

COMPARATIVE ANALYSIS OF REMOTE INHERITANCE RIGHTS FORMALIZATION MODELS: RUSSIA AND EU MEMBER STATES

Shalneva E.V.

Master's student

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia

Tsukanov O.V.

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Belgorod State National Research University

Russia, Belgorod

Abstract. The article examines models of remote formalization of inheritance rights in the Russian Federation and the member states of the European Union, based on the provisions of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation, the Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries, Regulation (EU) No 910/2014 (eIDAS) and Regulation (EU) No 650/2012. Particular attention is paid to the relationship between the traditional in-person form of testamentary declarations concerning inheritance (acceptance and renunciation of inheritance) and the possibility of their electronic execution, as well as to the impact of digitalization on the inheritance regime of digital assets. The article substantiates the conclusion that, in order to adapt Russian legal institutions to the digital environment, it is necessary to develop special rules on the remote performance of

inheritance-related actions and the inheritance of digital assets while preserving the fundamental guarantees of the protection of heirs' rights.

Keywords: inheritance rights, acceptance of inheritance, renunciation of inheritance, remote formalization, electronic signature, electronic document, notariate, digital assets, eIDAS, Regulation No. 650/2012, digital inheritance.

Российская модель дистанционного оформления наследственных прав опирается на классические положения части третьей ГК РФ. В статье 1153 прямо указано: «Принятие наследства осуществляется подачей по месту открытия наследства нотариусу или уполномоченному в соответствии с законом выдавать свидетельства о праве на наследство должностному лицу заявления наследника о принятии наследства либо заявления наследника о выдаче свидетельства о праве на наследство» [1]. Одновременно закон допускает и фактическое принятие наследства, закрепляя, что к действиям, свидетельствующим о принятии, относятся, в частности, «вступление во владение или в управление наследственным имуществом», «принятие мер по сохранению наследственного имущества», «несение расходов на его содержание», «оплата за свой счёт долгов наследодателя». Эти формулировки показывают, что базовая конструкция по-прежнему исходит из очного взаимодействия с нотариусом и материальных проявлений отношения наследника к имуществу, а электронный формат выступает лишь технической надстройкой над уже сложившейся моделью. Представляется, что сохранение такой конфигурации оправдано лишь на переходном этапе. При дальнейшем расширении цифровой инфраструктуры логично выделить самостоятельную модель дистанционного волеизъявления, в которой электронная форма не только обслуживает уже совершённые действия, но и становится равноправным способом их совершения при условии усиленных гарантий идентификации и фиксации воли наследника.

Право отказа от наследства в российском праве столь же жёстко привязано к нотариальной форме. В статье 1157 ГК РФ закреплено:

«Наследник вправе отказаться от наследства в пользу других лиц (статья 1158) или без указания лиц, в пользу которых он отказывается от наследственного имущества». В части 2 той же статьи подчёркивается, что «наследник вправе отказаться от наследства в течение срока, установленного для принятия наследства (статья 1154), в том числе в случае, когда он уже принял наследство». Отказ, таким образом, понимается как единоразовое, юридически необратимое волеизъявление, которое традиционно оформляется при личном обращении к нотариусу. Это объясняет осторожность российского законодателя в части переноса таких действий в полностью дистанционный формат и требование повышенных гарантий при любом «оцифровании» принятия и отказа. Вместе с тем представляется, что при наличии надёжных процедур идентификации и фиксации волеизъявления возможно поэтапное расширение сферы применения дистанционных технологий и на отказ от наследства, не снижая уровня защиты наследников и кредиторов.

В Европейском союзе цифровая инфраструктура наследственных процедур строится на иных фундаментальных актах. Регламент (ЕС) № 910/2014 (eIDAS) вводит общеевропейские правила для электронных средств идентификации и доверительных сервисов [3]. Один из ключевых его принципов заключается в том, что электронной подписи не может быть отказано в юридической силе или допустимости в качестве доказательства только потому, что она имеет электронную форму или не отвечает признакам квалифицированной электронной подписи. В регламенте отдельно закреплено, что квалифицированная электронная подпись имеет юридическую силу, эквивалентную собственноручной подписи, а квалифицированная электронная подпись, основанная на квалифицированном сертификате, выданном в одном государстве-члене, признаётся в качестве квалифицированной электронной подписи во всех остальных государствах-членах. В переводе на «язык наследства» это означает, что дистанционно подписанный документ, отвечающий требованиям eIDAS, не может быть дискриминирован по сравнению с бумажным и потенциально

может выступать носителем наследственного волеизъявления с тем же весом, что и традиционный документ с мокрой подписью.

Регламент (ЕС) № 650/2012, посвящённый вопросам юрисдикции, применимого права, признания и исполнения решений и аутентичных документов по наследственным делам, дополняет эту конструкцию [4]. В его преамбуле говорится, что подлинные акты (аутентичные документы), выданные в одном государстве-члене, должны обладать в другом государстве-члене теми же доказательственными эффектами, что и в государстве происхождения, при условии соблюдения определённых критериев подлинности. Под подлинностью понимается, в частности, достоверность самого документа, соблюдение формальных требований к нему, наличие полномочий у органа, составившего документ, и соблюдение установленной процедуры. Европейский подход, таким образом, исходит из взаимного доверия к официальным документам (в том числе нотариальным), в том числе когда они созданы и удостоверены с использованием электронных средств, отвечающих стандартам eIDAS. Это открывает возможность полноценной интеграции электронных наследственных документов в трансграничный оборот - в отличие от более национально замкнутой российской модели. Такой подход показывает, что при должной настройке инфраструктуры электронная форма способна выполнять ту же функцию, что и бумажная, без снижения уровня правовой безопасности. Для российской системы это аргумент в пользу того, что ключевым является не сохранение «бумажности» процедур, а обеспечение проверяемости личности и неизменности волеизъявления, независимо от носителя.

Если нормы eIDAS и Регламента № 650/2012 задают рамки обращения электронных документов и аутентичных актов, то следующий логичный шаг связан с ответом на вопрос о том, какое именно содержание передаётся по наследству в цифровой среде. В этой связи особое значение приобретает проблематика цифровых активов и цифрового наследства. Отдельный пласт сравнения связан с цифровыми активами и цифровым наследством. Ю. С.

Харитоновна, анализируя наследование легализованных цифровых активов, подчёркивает, что в цифровой среде объектом наследственного правопреемства становится не только «цифровая вещь», но прежде всего статус её владельца в информационной системе и основанный на этом статусе доступ [5]. По её словам, в современных условиях наследованию подлежит «не столько сам цифровой объект, сколько правовой статус его владельца в информационной системе и обеспечиваемый этим статусом доступ к цифровым активам». При этом Харитоновна указывает, что действующее российское законодательство, легализуя отдельные виды цифровых активов, не формирует целостной модели их наследования, оставляя открытыми вопросы доступа наследников к соответствующим информационным системам и разрешения коллизионных ситуаций при трансграничном характере таких активов.

На взгляд Харитоновой, такая фрагментарность особенно заметна на фоне зарубежных подходов, где для цифровых активов вырабатываются специальные механизмы фидуциарного доступа, назначения цифровых распорядителей и детального регулирования взаимодействия с провайдерами цифровых сервисов. Согласиться с этим выводом представляется обоснованным: российская модель действительно ограничивается общим признанием цифровых прав объектами гражданских прав, но не предлагает специализированных процедур, позволяющих наследнику «перенять» статус пользователя и доступ к цифровому активу через формализованные нотариальные действия. На этом фоне европейская конструкция, опирающаяся на eIDAS и механизмы признания аутентичных документов по Регламенту № 650/2012, выглядит более готовой к включению цифровых активов и электронных наследственных документов в трансграничный оборот, хотя и там комплексной, полностью унифицированной системы цифрового наследства ещё не создано. Данный подход представляется продуктивным и для российского права: закрепление цифровых активов в качестве объектов гражданских прав должно сопровождаться нормативным описанием статуса

«наследуемого пользователя» информационной системы и процедур его смены. Без этого признание цифровых прав остаётся формальным и не обеспечивает реальной преемственности доступа к активам.

Сопоставление российских и европейских решений позволяет сформулировать несколько выводов. Во-первых, в российском праве принятие и отказ от наследства по-прежнему рассматриваются законодателем преимущественно как очные действия перед нотариусом, тогда как электронный контур обслуживает главным образом внутренний документооборот и обмен сведениями, но не образует самостоятельной, полноценно дистанционной модели волеизъявления. Во-вторых, в праве ЕС электронная подпись и электронные документы изначально встроены в наднациональную систему доверия, что создаёт нормативные предпосылки для развития электронных и дистанционных форм оформления наследственных прав. В-третьих, анализ подхода Ю. С. Харитоновой демонстрирует необходимость целенаправленной настройки российского наследственного законодательства в отношении цифровых активов: без специальных норм о статусе таких активов в составе наследства, процедурах доступа наследников к цифровым платформам и роли нотариуса в этих процессах отечественная модель сохраняет преимущественно «бумажный» характер в цифровой среде, тогда как европейская правопорядки постепенно вырабатывают механизмы работы с цифровым наследием, опираясь на инфраструктуру eIDAS и режим аутентичных документов.

Список использованных источников:

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 26.11.2001 № 146-ФЗ (часть третья) (в ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2001 г., № 49, Ст. 4552.

2. Основы законодательства Российской Федерации «О нотариате» от 11.02.1993 № 4462 I (ред. от 03.03.2026) // Ведомости Съезда народных

депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 10. – Ст. 357.

3. Regulation (EU) No 910/2014 (eIDAS) of the European Parliament and of the Council of 23 July 2014 on electronic identification and trust services for electronic transactions in the internal market. URL: <https://www.agid.gov.it/en/platforms/eidas>.

4. Regulation (EU) No 650/2012 of the European Parliament and of the Council of 4 July 2012 on jurisdiction, applicable law, recognition and enforcement of decisions and acceptance and enforcement of authentic instruments in matters of succession and on the creation of a European Certificate of Succession. URL: <https://www.oliverpartners.it/succession-regulation-6502012-the-european-certificate-of-succession/>.

5. Харитонов Ю. С. Наследование легализованных цифровых активов: коллизии и возможные направления совершенствования российского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 2.